

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от . . . 27 ИЮЛЯ 42

Москва

Газета № . . .

АКТЕРЫ

НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПАНЧЕХИН-СУВОРОВ

В историю советского музыкального театра эпохи Отечественной войны артист театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко Николай Панчехин войдет как первый создатель в опере образа величайшего русского полководца Суворова.

Труднейшая задача стояла перед певцом — соединить жизненную правду с условной формой оперы, воплотить на сцене не «оперного героя», а живой образ великого полководца-мыслителя, и он ее блестяще разрешил.

Панчехину удалось главное: передать обаяние личности «фельд-маршала-солдата». К реалистическому раскрытию образа великого полководца Панчехин пришел через трудный творческий путь, путь исканий.

Первая крупная роль Панчехина — Борис Годунов — долго не давалась ему. «Я пробовал все, — говорит он, — изучал Пушкина, Мусоргского, однако не выходило. Помогли мне слова К. С. Станиславского: «Если бы я...», то есть, делать все то, что делал бы я, будучи в положении царя Бориса. При дальнейшей работе я стремился совершать минимум внешних движений при максимуме внутренних переживаний. И роль пошла». Именно трагическая роль Бориса, а не комические роли Базиллио («Севильский цирюльник»), писаря («Майская ночь») и другие, определяет творческую индивидуальность Панчехина.

В процессе работы над ролью Суворова у артиста намечилось большое движение вперед: он решил ряд новых для него сценических и вокальных задач.

Произошло редкое в опере полное перевоплощение актера в новый образ. Высокий, величественный в Борисе, здесь он как-то сжался и явился маленьким, сухоньким старичком, сохранив тем не менее свободу и пластичность движений.

Внешний облик Суворова — портретно близкий грим, его семенящая походка, порывистые манеры — вылеплен тщательно. Присущее Панчехину чувство художественной меры сказалось и в показе артистом чудачеств Суворова, и в резких переходах от чудаческого выпада или иронии к боевому прика-зу, вдохновенной героике.

Произошло и вокальное перевоплощение актера. Уже в работе над партией Вырина в опере Крюкова «Станционный смотритель» он стал изживать влечение к форте, находя более разнообразные краски.

Многогранность образа Суворова диктует ритмическое разнообразие, резкие переходы в интонации от сарказма к деловому тону или, как в сцене в Альпах, от отчаяния к веселой песне: «Ай, и что ж ты, красна девица», переходящей в пляс, который подымает боевой дух усталых солдат. Ариозное пение Панчехин мастерски сочетает с выразительным певучим говорком и речитативом.

Вокальные и сценические успехи Панчехина помогли ему правдиво раскрыть внутренний образ Суворова и олицетворенное в нем величие духа русского народа.

На протяжении спектакля образ непрерывно растет. Вершины патристического пафоса артист достигает в сцене клятвы Багратиона — продолжать борьбу с Наполеоном. «Пароль наш — Русь, святая Русь», — завещает Суворов своему приемнику, будущему герою Бородинской битвы.

В роли великого русского полководца Панчехин показал себя зрелым актером и певцом. Созданный им образ властно зовет потомков Суворова к новым подвигам, а его искусство — это глубоко волнующее искусство актера-патриота, певца славы родной страны.

А. Сизов.